

## НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О «БЕЛАРУСКОЙ ТРАСЯНКЕ»

Восточнославянской языковой контекст сегодня интересен тем, что находится на новом рубеже своего развития. Вопросы, связанные со словом **национальный**, в трёх восточнославянских языках концептуально специфичны. В Беларуси и Украине - двух соседних государствах имеют I (жестко разные векторы развития. Белорусские власти отдают предпочтение русскому языку. Формальная государственность двух языков белорусского и русского, на практике претворяется в главенствующей роли русского во всех жизненных сферах. Двуязычие - определяющая особенность населения страны. Его возникновению способствовало близкое соседство и общие этапы исторического развития.

Белорусский билингвизм в постсоветском контексте явление не исключительное, но имеющее свои, весьма специфические особенности. Результатом длительной языковой интерференции является повсеместное употребление **трасянки**. Под трасянкой понимаем смесь белорусской и русской лексики, базирующуюся на белорусской фонетике, где свой вклад вносит специфика белорусского синтаксиса, видов связи, предложных конструкций и т.д. Трасянка - явление, обусловленное многими факторами. Чаще лингвисты затрагивают аспекты структурного характера, подчёркивая социальный характер языкового явления, констатируя отдельные элементы рассеяния, относящиеся к одному либо другому языку.

Сам термин **трасянка** глубоко национален и связан с народно<sup>м</sup>, крестьянской жизнью. Когда к концу зимы заканчивалось сено, заготовленное на корм скоту, крестьянин добавлял в оставшееся сено солому, - "обманывая" домашний скот (создание иллюзии полноценной пищи), но такой корм не прибавлял у коров молока. Т.е. трасянка - временная мера, помогавшая домашним животным выжить остаток голодного сезона без полноценного корма, но с его заменителем.

Трасянка - заменитель, балласт, своеобразная добавка, предназначенная для лучшей усвояемости.

Мнения лингвистов и нелингвистов о языковой трасянке в течении последних нескольких лет приобрели весьма широкую шкалу оценки с различными, в том числе полярными отметками. От чисто негативной оценки филологов, трасянку начинают защищать деятели культуры.

В интервью белорусской газете "Наша нива" ("Наша ніва") лидер культовой группы "Ляпис Трубецкой", прозванный лидером **креольско-искусства**, охарактеризовал трасянку так:

*"Лэ/иа мой фальклёр, мова вуліц. Я ведаю падызуку жыцця. у і п'янтывава, бывава на піўніках, панкавава, ездзіу на мястэчках. Натр-сянцы нават крымінальнікі гавораць "Маць, нясі брагу, пасьпепа!" Тапу мая трасянка смачная, бо эклектыка — саамы смачны элемент маапсц. тва. Трасянка — кіч, несур'ёзная мова, мова багемы. На трасяныцы гавораць мае сябры —Хацон, паэты, мастакі, тэатралы. Трасянка мне дала лягчэй, чым беларуская. Я нямею іранізаваць па-беларуску"* [Курс, 2004].

Многие представители эстрадной элиты говорят о трасянке как о средстве эпатажном, помогающем решать проблемные ситуации.

*"Бывав, зносіць на трасянку, калі трэба падкрэсьліць іраніч-насьць моманту. А у творчасьці, калі трэба падкрэсьліць іранічнасьць пэрсанажа: недалёкасьць, тупасьць, альбо рэчы проста сьмеш-наватыя. Вельмі трывала трасянка увайшла у жыцьцё. А дагэтуль, можа, пару словаў былі: падхадзячэ ці вабічэ".* [Квяткоўскі, 2006]

Встречается мнение, что трасянка может стать мостом к литературному языку, в трасянке видят своеобразный психологический переход: *"Цяпер многія аутары віртуозна выкарыстоўваюць у сваёй творчасьці трасянку. Міхал Анемпадыстау прыгадвае, што у ягоным юнацтве менавіта гульня у трасянку дапамагла засвоіць беларускую мову:*

*(Анемпадыстау.) "Мы спачатку проста прыдурваліся, гралі такія ролі — гаварылі на трасяныцы, а пазьней зь цягам часу загаварылі па-беларуску. А трасянка зьяля псыхалягічныя бар'еры "* [Квяткоўскі, 2006]

С. Квятковский, констатируя факт, что трасянку считают чем-то постыдным, унижительным, на что в культурных местах не принято обращать внимания, отмечает также, что вместе с тем, трасянка превращается в средство коммуникации и объект искусства в альтернативных культурных кругах.

Отношение к трасянке в большей мере негативное - в среде лингвистов, проявляется и со стороны власти (газета «Прессбол» получила официальное предупреждение Министерства информации за публикацию комиксов о Саше и Сироже (комические персонажи), повод — персонажи комиксов разговаривали по-русски неправильно). Не жаловала трасянку и оппозиция.

*"Белорусы как нация, наверно, существуют потому, что говорят на языке, который представляет собой особенную языковую смесь, «трасянку». Именно эта «трасянка» не признается ни «истинно белорусской» оппозицией, ни русскими, для которых этот язык, что-то вроде издевательства над великим русским языком. Может быть, настало время пересмотреть свое отношение к «трасянке»? Но тогда в начале «белоруссификации», назвав всех разговаривающих на «трасянке», не совсем белорусами, вряд ли можно рассчитывать на их поддержку. Но, оппозиция, наверно по наивности, рассчитывала? А, тем не менее, именно «трасянка», являясь живым разговорным языком, не позволяет белорусам называться русскими. <...> Как-то было забыто то,*

*что лучший белорусский роман Ивана Мележа «Люди на болоте» стал популярным, прежде всего, потому, что в нем герои говорят не на «тарашкевице» и не на «наркомовке», а на диалекте гомельского Полесья, тем не менее, понятном всем белорусам. И телевизионный спектакль купаловского театра, поставленный по роману почти сразу после выхода романа, стал в свое время событием потому, что в нем звучал живой язык. Об этом сейчас мало кто помнит.* " [Аве, 2006].

С точки зрения типологии самым близким родственником белорусской трасянки является украинский суржик. Объединяют их общие черты (быть средством понятным, одновременно завуалированным, часто сниженным). Эти явления можно сравнивать и с русским сленгом.

Русский сленг - языковой эпатаж, основанный на лексике русской и заимствованной, причём, если литературный язык заимствует из языков иностранных, сленг осваивает и языки ближнего зарубежья - отражает понятия, возникшие и ставшие понятными за советский период, по разным причинам не имевшие аналогов в литературном языке, или существующие варианты не достаточно отражали эмоциональный план явлений и типажей. Все заимствованные языковые элементы пропускаются через русскую ментальную призму с учётом определённого опыта личного непосредственного или опосредованного знакомства с теми или иными национальными особенностями.

В отличие от сленга, трасянка и суржик в качестве заимствованной лексики используют русскую и в меньшей мере иностранную лексику, заимствованную опять же через русский, интерпретируя на своей ментальной, а в языковом плане - фонетической базе. Трасянка и суржик также явления эпатажные, экспрессивные, их цель - служить понятным, простым, доступным средством коммуникации. Это яркие образные средства, неотъемлемым элементом которых является метафоричность.

Языковой эпатаж, как и любой другой, совмещает крайние черты, т.е. негативные и позитивные, поэтому и в общей своей массе не может вызывать однозначную реакцию и оценку у носителей языка и лингвистов.

Говоря о трасянке и сленге, уместно будет упомянуть учение Я. Мукаржовского о эстетичном. Эстетизм может проявляться в полярных пунктах - вызывать удовольствие или неудовольствие. Может вызывать как умиление и увлечение, так и наоборот, неприятное чувство или даже отвращение. По Мукаржовскому, эстетическое восприятие зависит от многих факторов, в том числе, и прежде всего субъективных.

*„1. Эстетичность не является **casta** по себе реальным свойством вещей, и не является однозначно привязанной к некоторым их характеристикам. 2. Эстетическая функция вещей не находится в полной власти индивида, хотя с чисто субъективной точки зрения что угодно может приобрести (либо наоборот лишиться) эстетическую функцию невзирая на своё функционирование. 3. Стабилизация эстетической функции является компетенцией коллектива, а эстетическая функция является составной отношений между человеческим коллективом и миром. Потому определённое размещение эстетической функции в мире вещей привязано к конкретному общественному образованию. Способ, которым данный общественный коллектив к этой функции относится, предопределяет, в конце концов, и объективное формирование вещей с целью эстетического воздействия и субъективное эстетическое отношение к вещам. Тенденции к расширению либо сужению эстетической области, — факты социальные, проявляются всегда целым комплексом параллельных симптомов.*" [Mukafovsky, 1966:24-25].

Закономерно возникает вопрос, почему некоторые языки имеют сленг как лексическую и стилистическую разновидность языковой системы, и почему белорусский и украинский язык - трасянку и суржик? Ответом на вопрос может служить применение понятия норма. Унормированный, нормально функционирующий язык, на определённом этапе стремится к демократизации средств выражения; т.к. наряду с принятыми, начинает действовать стихийная "норма", разрушающая сила её составляющих - "бомбардирующих" элементов не наносит большого урона сформированному, а потому сильному каркасу языка. Язык, выполняющий свою основную функцию - коммуникативную, способен воспринимать, адаптировать чужие элементы и отсеивать языковой мусор; - также как организм человека, в случае если перед болезнью была нарушена одна из жизненно важных функций, реагирует при заболевании неадекватно, потому что не обладает полным комплексом защитных сил. Приблизительно в таком положении оказались многие языки народов бывшего СССР, долгое время реализовавшие себя в сфере художественной литературы, но не выполнявшие свою главную функцию. Именно потому, что их развитие не шло естественным путём - языки эти не сумели образовать собственный сленг, а заимствовали, почти все без исключения, в качестве языкового эпатажа русский мат, а в современной ситуации, не избавленные от того же влияния, заимствуют и русский сленг, хотя последний часто есть ни что иное, как смесь лексических заимствований из всех языков бывшей империи.

"Физиологически" отличаются каркасы русского, белорусского и украинского языков, среди них русский сильный и устойчивый. Его система средств прочно закрепилась в советское время, когда белорусский и украинский были ограничены в своих возможностях. Физиологическое нарушение языкового каркаса (невыполнение основной функции), который в досоветское время не был самодостаточен, а в советское время возможности сформироваться не получил, привело в белорусском и украинском к явлениям неадекватным, неожиданным / невозможным в языках унормированных, таких как английский, немецкий, русский - эти языки отмечены наличием сленга.

Языки, не успевшие сформировать прочный языковой каркас, **i**пмствуют сленг соседей и инфильтрируют через собственное нацио-**га мытое** видение. Посредством ментальной инфильтрации сленговые единицы приобретают новые оттенки и утрачивают первоначальное, созданное русской метафоричностью содержание, приводя к возникновению **вторичной ментальной метафоры**.

В трасянке, как и в русском слеше, белорусская метафора вкладывается в русскую лексику. В трасянке возникает и **фонометафора**, выражающаяся фонетическим приспособлением, создающая а) комический эффект, б) сниженность, в)

завуалированность. Метафора и в том, что оставаясь собой, не утрачивая своих основных качеств, но пользуясь иным способом языкового поведения, трясня-коговорящий переходит в иную психологическую плоскость. \*

Трясянка - способ создания имиджа (отрицательношо), тряснянка - способ аллегии, средство насмешки над тряснянкомыслящими.

Почему беларуская тряснянка непрестижна?

Подобие тряснянки возникает в любой среде, где встречаются два и более языков. Чешские беларусы употребляют чешские слова или корни, добавляя беларуские форманты. Это же происходит в любой стране, где языковое меньшинство, стараясь сохранить свой язык, находится под культурным, языковым, ментальным прессом.

Существует, на мой взгляд, психологический момент, который можно условно обозначить как клише советского восприятия: *чужое — всегда лучше*, чем своё (распространяется не только на языковую сферу). Длительное отмежевание от мира и закрытость СССР создало стереотип, что всё западное лучше, то, что рядом — не стоит ничего, а потому не представляет никакой ценности.

С точки зрения русского обывателя, беларуский язык соотносится с понятием русское, а потому, что это "своё" не совсем понятное, ставит подножки для плавного (как своего) восприятия, руско-язычными трактуется как неприятное, а фонетический тряснянковый коктейль, раздражающий небеларуское ухо, способствует этому в ещё большей степени.

Носителем беларуского литературного языка тряснянка также трактуется как явление негативное, но, в отличие от русского, для беларуса смысл будет понятен полностью; человека, пользующегося тряснянкой, носитель беларуского литературного языка будет воспринимать как малообразованного. Носитель русского языка, в Беларуси не проживающий и не имеющий понятия о сложившейся ситуации, вряд ли отличит беларуский литературный язык от тряснянки, потому что на слух воспринимает фонетическое отличие, присущее и литературному языку, и тряснянке.

Интересным моментом является и "отдалённость" из категории клише советского восприятия своего. Русские, рассказывая анекдоты о грузинах (или неславянах вообще), стремятся выговаривать слова грузина "как грузины", передавая именно фонетические и интонационные, в том числе и невербальные особенности.

*" - Ты как в анекдоте, помнишь? Когда грузину говорят, что у него не мальчик. "А кто?" — Александр произнёс это с забавным южным акцентом и штопором поднял палец к потолку." [Робски, 2007:270]*

В анекдоте эта проба воспринимается как сатира, но! Известный и популярный с советских времён грузинский певец В. Кикабидзе со своим произношением не воспринимается как объект сатиры, принято называть это шармом. К новейшим примерам уже славянского происхождения, отрицающим восприятие только категории своего "отдалённого", относится группа "Ляпис Трубецкой".

Подобный взгляд встречается и относительно беларуской тряснянки. Когда она звучит из уст ребёнка, многие видят в этом прелесть.

Беларуская тряснянка вызывает много вопросов, чаще характеризуется как явление негативное, засоряющее язык, который, находясь в некоммуникативном пространстве, постепенно всё в большей степени берёт на себя функцию эстетическую.

*„Сок только переместим внимание будь во времени, будь в пространстве, или переместимся лишь от одного социального образования к другому (напр. от одного социального слоя к другому, от поколения к поколению и т.д.), встречаемся всегда с тем, что этим меняется и позиция эстетической функции и ограничение её сферы." [Mukafovsky, 1966:19]*

Языковая тряснянка является смесью разнородных элементов, как уже отмечалось, начинает интерпретироваться иначе, именно как средство подхода или начало пути к беларускому литературному языку, стремление к нему приобщиться — этот вектор вырисовывается если речь идёт о русскоговорящем. Вектор, находящийся на противоположной стороне -исходящий от сознательно владеющего беларуским, имеет чаще иную характеристику. Здесь тряснянка выступает социальным показателем, средством несоздания конфликта, способом иронии.

Сленг на русской фонетической основе переосмысляет заимствованные и собственные лексические единицы. Общеизвестно, что отношение к сленгу или отрицательное, или наоборот позитивное, среди лингвистов центральную позицию занимают те, кто называет сленг *закономерным*, имеющим как *отрицательные*, так *положительные черты* явлением, дающим импульс для дальнейшего обновления и развития современного русского языка.

При всей нежелательности, тряснянка - явление чрезвычайно живучее, перерастающее границы только разговорной речи, развивается как элемент эстрадной культуры, это феномен не только языковой, прежде всего психологический. Трясянка - явление, объединяющее в себе как импульс к дальнейшему развитию языка, так и элементы отрицающие, разрушающие современный устой. При использовании в Беларуси нескольких вариантов языка, тряснянка представляется угрозой, при отсутствии единой нормы элементы тряснянки могут нести действие разрушающее. В то же время нельзя отрицать роль тряснянки как элемента созидающего, стилистически интерпретирующего, а тем самым дающего пищу для размышлений.

#### ПРИМЕЧАНИЕ

*Автор статьи сознательно использует в написании прилагательного беларуский а, стремясь обратить внимание на разнописание в современных СМИ и научной литературе.*

*После распада СССР бывшая советская республика получила новое официальное название — Республика Беларусь. Современное название республики и соответственно - языка не имеет в русском языке устойчивой нормы. Российские СМИ используют: РБ (по аналогии с РФ), Белоруссия, Белорусь, Республика Белорусь, Беларусь, язык называют: белорусским, беларуским, беларуским, белорусским. Нет единого мнения и в словарях. Словарь-*

*справочник Русские названия жителей И. Л. Городецкой и Е. А. Левашиова (2003) приводит, что современной нормой русского языка является: белорус, белоруска, белорусы, а названия представителей наций советского периода: белоруссы, белорусе і белорусска с двумя буквами «с» считаются устарелыми. Но и буква 'о' в предлагаемом авторами справочника названии представителей нации логически не соответствует современному, официально принятому названию страны на русском языке — Республика Беларусь.*

#### ЛИТЕРАТУРА

Цитаты Я. Мукаржовского с чешского оригинала даны в переводе автора статьи

[Аве, 2006]: Аве, Дайан,, *Не белорус? Субъективный взгляд на историю* <http://ww.proza.ru/texts/2006/12/14-255.html>, 2006.

[Квяткоускі, 2006]: Квяткоускі, С, *Трасянка як нацыянальны брэнд і крыніца натхнення*, Менск, з інтэрв'ю з Л. Вольскім, аўторак, 24 студзеня 2006, 8:47; С. Квяткоускі, *Трасянка як нацыянальны брэнд і крыніца натхнення*, Менск, з інтэрв'ю з Л. Анемпадыставым, аўторак, 24 студзеня 2006, 847 //

<http://www.svaboda.org/articlesfeamies/society/2006/1/a28d74f6-5343-465c-a2712b9c-9d42354e.html>. [Курс, 2004]: Курс, С, *интервью, Сергей Михалок: "трасянка" мне нравится, а колдырится я не буду,*

<http://www.lvapis.com/articles.php?d=90>, 02,2004. [Mukafovsky, 1966]: Mukafovsky, J., *Studie z estetiky*, Praha, Odeon, 1966

[Робски, 2007]: Робски, О., *Casual 2 Пляска головой и ногами*, Москва, Астрель, 2007